

Лев ЛЕЩЕНКО:

— Лев Валерьянович, почему ваш офис находится в таком экзотическом месте Москвы — в гостинице «Пекин»?

— За 40 лет моей работы на сцене правительство не нашло средств, чтобы предоставить мне офис. У меня, замечу, и квартира не государственная, а купленная на заработанные деньги. Сперва я арендовал помещение в Лефортове, в Доме офицеров, но в связи со строительством Третьего транспортного кольца нас оттуда попросили. В «Пекине» были знакомые, они и предоставили номера под студию и кабинет.

— В одном журнале прочел, что вы родились 1 февраля 1942 года под бомбежкой. Но вы москвич, о какой бомбежке идет речь?

— Это глупость, конечно. В декабре 1941 года немцев от Москвы отогнали, бои были ожесточенные, но к столице немецкие самолеты уже не пропускали. Родился я не в роддоме, а в квартире, в Сокольниках.

— Ваша мама умерла вскоре после родов. Вы не чувствовали в детстве дефицит материнской ласки?

— Безусловно, какая-то обездоленность была.... Я переходил из рук в руки: от бабушки к тете, от нее — к деду. Отсутствие мамы родило во мне не только какие-то комплексы, но и — на всю жизнь — трепетное отношение к женщине. А отец мой, несмотря на свои 98 лет, когда входит женщина, всегда, как бы он себя ни чувствовал, встает.

— Когда он последний раз был на вашем концерте?

— Довольно давно, лет двадцать назад, но и тогда, замечте, он был уже не «выношей», ему стукнуло 78.

— Вы родились в войну, ваш отец — кадровый военный. Как вы считаете, это повлияло на исполнение вами вайей, я бы сказал, «коронной» песни — «День Победы»?

— Влияние на творчество — подспудное, действующее на подкорку. Мы не знаем, когда оно проявится. Но в данном случае... Мы ведь дети войны! Солдаты, офицеры были для нас, послевоенных мальчишек, объектами поклонения, что ли... Я, между прочим, носил в детстве гимнастерку и сапоги. И все, что я чувствовал, я выдохнул, выплеснул наружу, исполнив «День Победы».

— Эта песня, по-моему, была вершиной творчества поэта Владимира Харитонов...

— Меня с Володей связывали какие-то незримые нити, хотя песен его я спел немного. Вы, наверное, помните «Не плачь, девчонка...», я записал ее в 1971 году. Харитонов сам присутствовал на записи и какими-то легкими штрихами подсказал мне лучшее решение. Он был реальный человек. Все свои песни он, говоря современным языком, продюсировал, приходил на записи, правил тексты, что-то подсказывал...

— Я слышал, «День Победы» худсовет сначала завалил?

— Это был плевок в лицо Харитонову и Тухманову. «Законодатели вкусов» определили, что песня — дурного тона; фривольный, мол, фокстротик, да и текст сомнительный: «Как в огне потухшем таял уголек...» Потом, на «Голубом огоньке» 9

Вех. Москва.
2002-18
сент.-с.4

На прошедшем недавно в Атлантик-сити концерте «Песня года» самые громкие аплодисменты достались неувядаемому Льву Лещенко. За кулисами этого праздника мы и договорились о встрече в Москве. Она состоялась в... гостинице «Пекин».

мая, ее все же спел Леня Сметанников, она снова не понравилась, и ее закрыли уже как бы навсегда. До тех пор, пока я не спел ее 10 ноября в концерте, посвященном Дню милиции. Я вышел в прямой эфир не с разрешения телечинов, а с благословения милицейского начальства. Песня вызвала волну невероятного подъема, стала очень популярной.

— То есть, Лев Валерьянович, впечатление, что вы были преуспевающим, вписавшимся в «систему» певцом, обманчиво?

— О чем вы говорите! Лещенко хотели видеть пригласенным, патристичным, а в концертах я пел совершенно другой репертуар, поскольку я — лирик, романтик, и у меня много именно таких песен. И публика, собиравшаяся на концертах, недоумевала: вы, говорили мои слушатели, намного интересней, разнообразней на сцене по сравнению с телевизионными выступлениями.

Были и другие «наезды»: нас, например, пресинговали за то, что мы давали слишком много концертов, что нам переплачивали деньги. А мы получали за концерт гроши — 27 рублей! Когда кто-то нам действительно немного доплачивал, это вызывало жуткое раздражение у соответствующих органов. Не могу сказать, что дергали только меня. Доставалось Муслиму Магомаеву и Володе Макарову, а уж как «воспитывали» Аллу Пугачеву! И если мы из всех этих ситуаций выходили более-менее удачно, то лишь благодаря нашему такту и гибкости. Плетью обуха не перешибешь...

— Вы много песен спели на стихи Роберта Рождественского и Леонида Дербенева, которые, к сожалению, ушли из жизни.

— Эти два поэта создали, по сути, мой репертуар. С Робертом Ивановичем мы сделали несколько «хитов»: «Мы дети Галактики», «За того парня», отмеченного в

МЕНЯ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ ПРИГЛАЖЕННЫМ

Сопоте первой премией, «Мы долгое эхо друг друга», которую я спел с Анной Герман. Роберт был исключительно порядочный человек не только в жизни, но и в творчестве, никогда не шедший на компромиссы. Сейчас на ОРТ мы с Иосифом Кобзоном занимаемся организацией концерта, посвященного 70-летию со дня рождения поэта. В благотворительном концерте, который состоится 15 октября в киноконцертном зале «Россия», примут участие многие замечательные певцы. Я думаю, любители песни и поэзии не пропустят его, ведь стихи, песни на стихи и поэмы Роберта Рождественского нравились миллионам.

Леонид Дербенев тоже написал немало прекрасных песен, в том числе исполненные мною «Прощай», «Напиши мне письмо», «Городские цветы», «Есть только миг между прошлым и будущим». Эти люди работали предметно, а не как пишут сейчас: на авось. Они писали для конкретного композитора или исполнителя.

— Мы подошли к современной песне. В чем ее главная беда?

— Сейчас нет такой профессии: песенный композитор. То есть она есть, но размыта, стерта. То же можно сказать о поэтах. Сейчас все пишут! Каждый может делать, что хочет. Неужели я не могу написать стихотворение? Или музыку? Любой грамотный, интеллигентный человек может сделать и то, и другое. Но нужны-то профессионалы! Именно они, как сказал поэт, делатели ценностей. А профессиональных композиторов-песенников и поэтов пока нет... Уверю вас, что ни один из композиторов, пишущих нынешнюю попсовую музыку, не имеет высшего музыкального образования! Но я оптимист: все равно рано или поздно все отстоится, отфильтруется, настоящая песня пробьет себе дорогу. В поэзии, литературе — то же самое. Сколько было имен, а сколько осталось? Разве может кто-то сравниться с такими гигантами, как Нагибин, Трифонов!

— Я понял, Лев Валерьянович, что вы очень занятой человек: даже сейчас, во время интервью, вас непрерывно дергают. Не сами ли вы себе устроили такую жизнь?

— К сожалению, да. Приходится очень много заниматься так называемой общественной работой, а куда деваться? «Экспресс-газета» вдруг обнародовала адрес моего офиса. И ко мне ходоки идут как-

дый день — почти как к Ленину когда-то (смеется). Видите эту гору писем? И все это боль, просьбы о помощи. Хотя я никакой не депутат, но коль скоро я народный артист России, то должен народу помогать. Так нужен мне офис, чтобы принять хотя бы половину желающих со мной встретиться или нет? Может, вашу газету читает руководство города, и крик моей души достигнет их слуха...

— А какие у вас отношения со звездами — Пугачевой, Леонтьевым, Кобзоном, Аллегровой? Не завидуете?

— У нас отношения абсолютно нормальные. Ну как можно завидовать Пугачевой или Магомаеву? Это — штучный товар, вершины. Я же никому не завидую, поскольку я — самодостаточный человек. Иногда завидую молодежи — лишь потому, что у нее сейчас более активная жизнь... Это даже не зависть, а... помните песню на стихи Жени Евтушенко?

*И мне покажется, покажется,
по Сретенкам, по Моховым,
что не был молод я пока еще,
что только буду молодым...*

— Вы человек, любимый в народе. А политикам своей популярностью не помогали?

— Я принимал участие в избирательной кампании Бориса Ельцина и Бориса Громова, с ним мы очень дружны. Я помогаю лишь тем, кого люблю. Знаменитого политика Артура Чилингарова знаете? Он сейчас член Госдумы, и в его избирательной кампании я тоже принимал активное участие.

— А к Зюганову как относитесь?

— Я уважительно отношусь к Геннадию Андреевичу, но помогать ему не стал, потому что коммунистическая идея мне не очень близка. Я чистой воды социал-демократ и не понимаю, почему Зюганов не «перестроился» в социал-демократы. Я, честно сказать, не понимаю ни правых, ни левых и считаю, что количество партий в нашей стране противостоит. Во всех цивилизованных странах существуют две-три партии. А у нас — пруд пруди. Чем они занимаются? Я смотрю на них, мне становится смешно. Многие стали профессиональными оппозиционерами, хотя для своего народа палец о палец не ударили. Чиновников сейчас стало в десять раз больше, чем в Советском Союзе, а хороших певцов, по-моему, не сильно прибавилось.

Беседовал Владимир НУЗОВ